

Человек. Личность. Гражданин

**ДОВЕРИЕ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
КАК ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Консолидация, обеспечение единства общества, его интеграция в единое целое – главное условие его развития, конструктивной трансформации, его приближения к цивилизационному фронтиру, обеспечивающему максимально возможное для данного исторического этапа качество жизни. При этом современное российское общество не только не консолидировано, но может характеризоваться как общество недоверия, что проявляется в экономике недоверия, деформированной судебной практике и т.д. Речь идет не просто об имущественном расслоении, а именно о недоверии: государство не доверяет бизнесу и обществу, бизнес – государству и обществу, ну, и общество отвечает государству и бизнесу взаимностью. Дикий банковский процент, гипертрофированное в своей карательности законодательство в сочетании с извращенным правоприменением, перегороженные дворы, железные двери с тремя засовами – все это следствия именно разлитого по всему обществу и пронизывающего на всех уровнях недоверия.

Однако доверие – главное условие социальной жизни. Без него невозможны бизнес, политика, искусство, личная жизнь... Человек – принципиально социальное существо, он не может в одиночку просто существовать – не то что реализовывать некие планы. Поэтому с неизбежностью образуются группировки, кланы, в результате чего недоверие и противостояние в современной России приобретает почти институциональный характер.

В этой связи идентичность – осознание своей принадлежности и сопричастности – все более осознается как важнейшее условие реализации практически всех форм и уровней жизни общества: от формирования личности до легитимности политической власти.

Дополнительную сложность и неоднозначность ситуации придают некоторые особенности современной цивилизации, ее возможности самореализации и самоопределения. Современные информационно-коммуникативные технологии вывели на первый план сетевой характер организации деловой активности, научной деятельности, социальных отношений, включая личные. Практически все формы социальной активности предстают как проекты, активизирующие

некий фрагмент сети, поддерживая и развивая тем самым общую (зачастую глобальную) сеть¹. Возникающая при этом сетевая рента порождает дополнительные моральные и правовые вызовы и напряжения между предположительно высокой степенью доверительности и взаимного интереса – с одной стороны, и искушением корыстного манипулирования и эксплуатации чужого человеческого капитала – с другой.

Поэтому при осмыслении проблемы идентичности, ее роли в современной ситуации очень важно избежать односторонности и упрощения. Представляется в этой связи важным рассмотреть несколько аспектов:

- социально-культурные предпосылки идентичности, заложенные в ценностно-нормативной природе социогенеза;
- динамику развития форм идентичности;
- особенности формирования идентичности в современном информационном (постинформационном) массовом обществе.

Только после этого, как представляется, можно аргументированно говорить об условиях и факторах консолидации современного российского общества.

Нормативно-ценностные предпосылки доверия и идентичности: безопасность, справедливость и свобода, культура и власть

К базовым ценностям социогенеза, прежде всего, относится *безопасность*, позволяющая преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана.

При этом самые различные формы социального существования с неизбежностью порождают проблемы признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления в реализации основных инстинктов, а также связанные с ними конфликты, переживания обид, зависти и рессентимента. Разрешение этих проблем так или иначе связано с реализацией второй базовой ценности социогенеза – *справедливости*, причем по двум векторам. Первый вектор связан с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Второй связан с возможностями самореализации, творчества отдельных активных индивидов.

В традиционных обществах, т.е. обществах, основанных исключительно на воспроизведении норм и традиций, доминирует первый вектор. Носители творческих инициатив рассматриваются в таком обществе как нежелательные девианты, по отношению к которым применяются различные санкции вплоть до наказаний, изгнания, а то и казни. Примеры Сократа и Иисуса – яркое тому подтверждение. История цивилизационного развития является убедительным доказательством того, что современники и соплеменники сплошь и рядом

воспринимают творцов-«инноваторов» как нарушителей завета предков, установленных норм. Более того, в таком обществе доминирует представление о коллективной ответственности, потому что индивид понимается, прежде всего, как представитель конкретного социума (рода, племени, клана).

Именно то обстоятельство, что «нет пророка в своем отечестве», побуждает творцов-инноваторов искать удачу в других краях, городах и весях, где к ним относятся как к «иным», чужакам, маргиналам, что парадоксальным образом, но позволяет им зачастую добиваться больших результатов, чем «туземцам».

Если общество оказывается заинтересованным в развитии и творчестве, в нем формируется еще одна базовая ценность — ценность *свободы*, связанная с возможностями самореализации, индивидуальной ответственности. Свобода носит эпифеноменальный характер², она производна от автономной ответственности, посредством которой личность вырывают из причинно-следственных связей и делают источником, причиной совершаемых действий. Следует отметить, что не всякое общество рассматривает такую ответственную автономность (свободу) как ценность. Большая часть истории человечества прошла в рамках традиционных обществ, в которых личная инициатива рассматривалась как девиация, нарушение завета предков. Выдающийся цивилизационный вклад христианской культуры как раз и заключается в ценностном рассмотрении свободы/ответственности личности.

Справедливость — с ее возможностями акцентировки реализации как в направлении безопасности, так и в направлении свободы — занимает в этом комплексе ценностей центральное место.

Социогенез, однако, предполагает не только ценностные интенции, установки, но и реализующие их институты — неформальные и формальные. К неформальным относятся обычаи, традиции, собственно и образующие культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Формализованные представления о справедливости выражаются в праве, а наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство. Культура обеспечивает идентичность, самосознание «Мы», преимущественно эмоционального. В историческом плане речь идет, опять же преимущественно, о сознании этнической принадлежности. В свою очередь, политическая власть, государство формируют и обеспечивают идентичность «Мы», преимущественно рационального. В историческом плане эта идентичность первоначально связана с подданничеством, а затем с гражданской общностью, гражданством.

Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность. В этой связи можно говорить о двух видах доверия, выделяемых в современной литературе: доверия «близкого» («связывающего») и «дальнего» («наводящего мосты»). Первое связано с

непосредственным ближним кругом личности, второе — с действием социальных институтов³. В обеих своих формах доверие выступает основой конструктивного социального партнерства — не просто способности к сделке типа «ты мне — я тебе», или общности как следствия насилия («общности по бараку в лагере»), а формы социальной связи, конструктивного взаимодействия, признания общности и своей сопричастности этой общности.

В этой связи можно говорить, что социогенез осуществляется в пространстве пересечения ценностной и институциональной осей, реализуя конкретный специфический баланс соответствующих векторов, обеспечивающий существование и развитие данного социума: вектора стабилизации социума и вектора его развития. В плане возможностей модернизации и инновационного развития это выражается в тенденции к традиционализму (выражающемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или прогрессизму (выражающемуся в тренде к свободе и правовому обеспечению творчества, инициативы).

Предложенная на этой основе ценностно-нормативная модель социогенеза⁴, основанная на выделении ценностной оси (безопасность — справедливость — свобода) и оси институциональной (культура — право — государство) позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. На этой основе были рассмотрены перспективы модернизации российского общества⁵, которые вполне соответствуют общемировым тенденциям⁶.

Из данной модели очевидно доминирование традиционализма в российском обществе, которому на протяжении всей его истории были свойственны правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость гражданского общества, вследствие чего социальная жизнь сводится к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. И для восстановления нормативно-ценностного баланса российского общества необходима достаточно тонкая и трудоемкая социальная инженерия.

Но прежде чем говорить о содержании этой инженерии, вернемся к ценностно-институциональной динамике идентичности.

Динамика развития форм идентичности

Как уже отмечалось, можно выделить несколько форм идентификации личности как вмняемого (наделенного самосознанием и ответственного) субъекта, которые, с учетом целого ряда исторических факторов, можно рассматривать и как стадии позиционирования личности в социуме⁷.

1. «*Этническая*» стадия, на которой границы личности задаются принадлежностью к роду, племени, клану. Свидетельством такой

принадлежности являются внешний облик, одежда, язык, поведение, а гаранты ее подтверждения – представители данного и других этносов («наш» – «чужой»).

2. «Статусная» стадия, на которой личность выступает уже как выделенный из рода индивид, идентифицируемый по его месту в социальной иерархии, определяемому по его заслугам перед неким сувереном, а подтверждением идентификации помимо облика, телесных признаков, здесь становятся некие документальные свидетельства.

3. «Ролевая» стадия, на которой личность идентифицируется, прежде всего, по выполняемым социальным ролям, независимо от статуса и рода-племени. Гарантом этого являются компетентность и профессионализм, подкрепляемые некими сертификатами, но главное – личная и профессиональная востребованность индивида.

4. «Проектная» стадия, на которой границы вмняемого субъекта очерчиваются жизненными стратегиями, планами, а идентификация задается вмняемой ответственностью, что подтверждается известностью и узнаваемостью личности, обеспечиваемыми средствами массовых коммуникаций, общественным мнением.

5. Предполагаемая «постчеловеческая» стадия, когда на первый план выходит «человек без свойств», неявленная и самостоятельно определяемая точка сборки («немонотонная функция») свободы и ответственности. Проблемы подтверждения такой идентичности весьма неоднозначны и еще только начинают ощущаться в связи с развитием Интернета, виртуальной реальности.

Каждая стадия порождает свою форму социализации личности, не исключая, но предполагая и дополняя другие. Их появление и развитие связано с общецивилизационным процессом, порождающим новые и новые требования к жизненной компетентности личности, создавая ее многомерность. И наоборот, разрушение, эрозия цивилизационного контекста чревата атрофией измерений, их редукцией к этничности.

Разумеется, следует различать идентичность и идентификацию личности. Если последняя – задача социума, возникающая в силу необходимости не просто различать членов общества, но выделять, специфицировать и фиксировать личность как вмняемого субъекта. Вмняемого – в обоих русских смыслах этого слова: обладающего сознанием, некоей подающей рационализации мотивацией и (очевидно, в силу этого) наделяемого ответственностью. Идентичность же – проявление осознанного или неосознаваемого самой личностью ее самоопределения – за кого держит себя сама личность. Однако нетрудно заметить очевидную тенденцию к сближению, если не «слипанию» идентичности и идентификации.

С технологической точки зрения между этими двумя видами автопроектности личности – самостоятельной или эхололичной («на

автомате») – существенной разницы нет. Личностный автопроект – будь то проект сугубо инициативно-личностный или реализация и воплощение чьей-то внешней воли – в своей сути един: он может быть успешным, состоятельным или нет. Так, автопроект самой личности может оказаться успешным только в случае его признания, востребованности другими – в той же степени, что и наполнение личности ожиданиями других в эхололическом автопроекте. И в том, и в другом случае автопроект оказывается ответом на желания, надежды, чаяния других.

Такое сближение идентичности и идентификации можно рассматривать как проявление все большей свободы в самореализации, порождающее серьезные нравственные и правовые проблемы.

Проблема идентичности в проектно-сетевом социуме

Каждая культура (этническая, профессиональная, семейная, дворовая...), являясь механизмом порождения, хранения и трансляции определенного социального опыта, наделяет формирующуюся в рамках этой культуры личность определенной жизненной компетентностью. В этом плане идентичность личности выступает набором принимаемых и практикуемых личностью программ социальной деятельности.

Современный человек, имея возможности множества идентификаций – ролевых и проектных – получает широкий спектр (веер) возможностей самореализации, а значит и идентичности. Выражая принадлежность личности к определенному социально-культурному опыту и освоение этого опыта личностью, идентичность выражает определенную жизненную компетентность личности, ее способность эффективного поведения в определенных ситуациях. Так, традиционные культуры связаны с тем, как некий этнос вписался в кормящий ландшафт. От этого зависят жилище, пища, одежда, режим дня, весь образ жизни. Урбанистическая среда массового общества не только нивелирует и усредняет личности, но и создает возможности формирования новых культур и субкультур, соответствующих идентичностей, связанных с новыми компетентностями этого образа жизни – как в рабочее, так и в свободное время. Более того, современное массовое общество создает даже лучшие возможности для сохранения традиционных культур, чем современное село.

Формируются новые, надэтнические идентичности, которые иногда называют цивилизационными, глобальными. Так, владение определенной профессией в сочетании со знанием иностранных языков, свободным владением современными информационно-коммуникативными технологиями и водительскими правами, дает личности возможность успешной самореализации, быть востребованной в профессиональном и личностном плане в любой стране. При

этом традиционные этнические и конфессиональные идентичности могут давать личности определенные конкурентные преимущества, подчеркивая ее своеобразие и уникальность.

Исключительные возможности «самопроектной» идентичности⁸ дают современные информационные технологии, средства связи и коммуникации, проектно-сетевая организация современного социума. В Интернете человек может выступать под самыми различными «никами», «аватарами», строить и позиционировать различные проекты самого себя вне зависимости от возраста, пола, гражданства, этнической принадлежности и т.п. Каждая из таких аватарных идентичностей современного человека всплывает в зависимости от конкретного социального контекста ее реализации. Более того, в этой виртуальной реальности человек может добиться вполне конкретного социального признания, состояться как личность в большей степени, чем «в реале».

Массовая культура в условиях глобализации и постинформационного общества предполагает ясное и внятное самоопределение, осознание содержания и возможностей собственной уникальности. Человечество вступает в новую антропологическую и персонологическую стадию развития. В свое время М. Лютер и И. Кант сделали личность автономно управляемой. Согласно известной формуле К. Маркса, они освободили личность от рабства внешнего, чтобы «закрепить его в душе». Кстати, именно этого не понимают исламистские и православные фундаменталисты в идее прав человека. Они настаивают на обязанностях, не понимая или не желая понять, что долг уже может быть сформирован. Задача общества признать право на долг, на свободу его выбора со всеми вытекающими последствиями. Непонимание этого говорит об иной стадии зрелости личности и общества.

С этим связан и возможный критерий нравственной оценки автопроектов. «Есть двоякого рода идейный фанатизм, — писал мудрый С.М. Дубнов, — первый желателен и даже обязателен для человека убежденного, второй абсолютно вреден. Первый заключается в том, что человек, имеющий определенный убеждения, стремится согласовать с ними свои поступки... Он должен быть фанатиком своей идеи, оставаясь в то же время толерантным к противоположным мнениям... Но есть другой тип фанатиков: люди, которые, считая свой образ мыслей единственно верным, преследуют людей противоположного образа мыслей, стараются путем насилия и притеснения внушить веру в то, что они сами считают истиной. Такой фанатизм, даже будучи искренен, вреден»⁹. Фактически речь идет о различении призвания и самозванства, о котором я писал раньше¹⁰. Критерий не по цели, а по средствам. Если кто-то стремится сделать других счастливыми помимо их воли и вопреки ей, даже во имя и от имени этих других — это

самозванство, ничтожащее свободу, а значит и бытие. И другое дело, если я, следуя некоему взятому на себя долгу, следуя призванию — не за счет других, хотя и, возможно, во имя других.

В проектной, а тем более «постчеловеческой» идентичности личности «без свойств» остаются два критерия идентификации ее вменяемости. Во-первых, «внутренний» критерий — память, связность самосознания, некая точка сборки свободы и ответственности. И во-вторых, собственность (и право на нее) как некое воплощение, «онтофания» этой свободы¹¹.

Некоторых отечественных мыслителей, моралистов пугает сама идея автономной морали, практика формирования и продвижения личностного имиджа. Однако человеческое сознание социальное по своей природе, а индивидуализация — не что иное как индивидуально-неповторимая целостность социализации. Просто мы имеем дело с ростками иного социума и иной антропологии, принципиально, фундаментально строящимися на взаимном уважении, интересе, а главное — признании и доверии, гарантии которых коренятся в сознании индивидов. А это предъявляет серьезные требования к «бэкграунду» такого социума — не только к уровню и качеству жизни, а к качеству его институтов.

Россия: ключевая роль гражданской идентичности и гражданской нации

Многими исследователями отмечается своеобразие российского общества, в котором продолжается «ролевая революция», затянувшаяся с пушкинской эпохи до нашего времени. До сих пор ведущими идентификаторами личности выступают ее этничность и статус¹². И это при том, что Россия вот уже второй век живет в массовом урбанизированном обществе, связанном именно с ролевой идентификацией личности, а в наши дни порождающим идентификацию проектную.

Именно незавершенность ролевой революции привела к нравственному, правовому и политическому срыву России в результате катастрофических последствий Первой мировой войны. В конце XIX — начале XX в. российское общество вибрировало в кризисе этнической, статусной и даже ролевой идентификаций личности. Ключом к пониманию происходящего в определенном смысле является «Хромой бес» Ф. Сологуба, центральным персонажем которого является недотыкомка — еще не персонифицированная, безличная проекция героя романа — И. Передонова. (Это точное наблюдение принадлежит участнице моего семинара в НИУ ВШЭ Н. Вяткиной.) Спустя всего десятилетие после выхода романа недотыкомки заполнили российскую реальную социальную и политическую жизнь.

Если перевести это на более точный язык — в России отсутствовал полноценный опыт собственности, порождающей власть, интересы,

ответственность... когда карнавалу и театрализации отводились специальные место и время. В России же сама жизнь довольно часто приобретала карнавальный характер. Особенно в политических практиках. Такой тип личности, как «актер в жизни», «лишний человек», а то и «самозванец», чрезвычайно свойствен российской культуре.

Ф. Степун определил феномен революции в России как сочетание молодости, преступности и пробужденной в душах демонической фантастики. «... со дна сотен и тысяч душ одновременно срываются неизжитые мечты, отречение от реальностей, погоня за химерами... Мечты о прекрасной даме разрушают семьи, прекрасные дамы оказываются проститутками, проститутки становятся уездными комиссаршами. Передоновы переходят из среднеучебных заведений в чеку. Садистические “щипки и единицы” превращаются в террористические акты. Развертывается страшный революционный маскарад. Журналисты становятся красными генералами, поэтессы — военморами, священники — конферансье в революционных кабаках. В этой демонической игре, в этом страшном метафизическом актерстве разлагается лицо человека; в смраде этого разложения начинают кружиться невероятные, несовместимые личины»¹³.

Однако российский опыт «распускания личности» (Г.Г. Шпет), торжества «многодушия» (Ф.А. Степун) не оригинален. Такие периоды прошли все общества, переживавшие революции, особенно буржуазные, когда на историческую арену выходит массовое общество. Однако постепенно такое «восстание масс» нормализуется в ролевых и проектных идентичностях граждан (горожан, буржуа). Институты буржуазной демократии — тоже игра, но идущая по твердым правилам, соблюдающим права участников именно как «игроков».

В социальном (социологическом) плане в СССР происходила интенсивнейшая ролевая революция. И ее мотивационный потенциал был настолько мощным, что вызванная ею волна энтузиазма, его энергетика перекрывали его очевидно парадоксальный характер, не понятный непредвзятому наблюдателю как того времени, так и нынешнего. С одной стороны, любой энтузиазм неразрывно связан с социальным доверием и искренностью, с другой — государственная внешняя и особенно внутренняя политика открыто выражалась и реализовывалась на основе глубокого недоверия, поиска врагов и борьбы с ними.

И природа этого извращенного энтузиазма была принципиально российской. Его подготовили, в том числе идейно и даже «методически», именно годы Серебряного века. Слабость социальных скреп ответственности и свободы, связанных с собственностью (что хорошо понимали реформаторы начала прошлого века)... Слабость церкви и некоторые особенности православия... Слабость и вырождение правящей династии... Катастрофа мировой войны... Л. Толстой с его

критикой собственности, семьи, церкви, государства... В условиях начавшейся индустриализации, урбанизации и ролевой революции интеллигенция повела интенсивные игры с моралью... И начавшаяся революция вылилась в безумие карнавала и самозванства с их безумным ролевым репертуаром и безумными «социальными лифтами». Индустриализация только придала этому карнавалу рациональную форму¹⁴.

Другой разговор, что надолго такого энтузиазма не хватило. Легитимность режима поддержала всенародная Победа, присвоенная режимом, послевоенное восстановление и иллюзии хрущевской «оттепели» с ее целиной и освоением космоса. Но это было уже совсем иное общество — преимущественно урбанистическое и медленно, но верно, с неизбежностью, становившееся все более буржуазным. Именно об этом свидетельствовали шумные дискуссии 1960-х о «вещизме» и «мещанстве». Брежневский «застой» укрепил эту тенденцию и горбачевская «перестройка» была поддержана именно образованными горожанами и номенклатурой, получившей возможность окончательно конвертировать власть в собственность.

В настоящее время мы имеем дело уже с буржуазным обществом, переходящим, как и весь мир, в проектно-сетевую организацию социума — от бизнеса и науки до личной жизни. Но в нашей стране, не прошедшей школу персонологии ренессанса и модерна, но прошедшей школу восточнохристианской апофатики с ее небрежением этой жизнью и связанных с нею собственности, права, чужого и собственного труда, вошло с неограниченным «многодушием» в советскую и даже постсоветскую эпоху. Ф. Степун в свое время даже предсказал торжество нового типа российской элиты — оборотня. «В противоположность ренегату, оборотень — человек многомерно-артистического сознания. Поклонение новому не требует от него отречения от старого. Разнообразные жизненные обличия он так же легко совмещает в себе, как актер разные роли. С большевиками он большевик, с консерваторами — консерватор... И то и другое, в одинаковой степени живо и не искренно»¹⁵.

Более того, в СССР и современной России были безжалостно сметены сословные и классовые барьеры и фильтры реальных субкультур, сберегающих исторические традиции. За 150 лет в стране 5 раз радикально перераспределялась собственность. В результате несколько поколений граждан были лишены возможности жизненного самостояния и самоопределения, просто социально-культурной идентичности. Ну, а телевизор в России появился раньше демократии. Современная Россия — при всем имущественном расслоении — дисперсное общество с ограниченным выбором жизненных сценариев. Человек находится наедине с миром и беззащитен перед властью. Вокруг него отсутствует структурированное социальное пространство.

Он лишен внешних скреп и идентификаторов. У него очень ограничен круг сценариев разрешения жизненных проблем и ситуаций. Отсюда повышенная нетерпимость и жестокость, выжигающие малейшие ростки доверия.

Все сказанное позволяет констатировать, что российское общество имеет дело с серьезнейшим цивилизационным вызовом. И наиболее продуктивным способом ответа на него представляется гармонизация ценностно-нормативного потенциала, образующего российский социум, результатом которого может стать его консолидация на основе солидарности, что, собственно, только и может обеспечить перспективу развития российского общества.

Согласно упоминавшейся в начале работы модели, не только видно доминирование традиционализма и правового нигилизма в сочетании с нравственным максимализмом, свойственные российскому обществу, а также неразвитость его институтов гражданского общества. Наглядно демонстрируется и дисбаланс сведения социальной жизни к проявлениям государственной власти и культурной идентичности.

При этом важно понимать, что дивергенция по ценностной оси между безопасностью и самореализацией не может компенсироваться исключительно культуральным фактором (этническим, религиозным). Наоборот, их акцентирование способствует нарастанию недоверия и нетерпимости. Сбалансированная компенсация предполагает формирование гражданской позиции и гражданской идентичности, что показывает, кстати, не только зарубежный опыт, но и движение гражданского протеста 2011 – 2012 гг. в России, участники которого сформулировали *de facto* запрос на формирование гражданской нации, на легитимную власть — не корпоративную, а способную реализовать справедливое отправление своих функций по отношению к обществу в целом¹⁶.

Не менее очевидны и основные направления и технологии формирования гражданской идентичности, необходимой социальной инженерии по преодолению сложившегося дисбаланса, динамики социальных институтов, всей нормативно-ценностной системы общества. Она возможна с опорой на модернизационный потенциал (высокий уровень человеческого капитала, терпеливость, неприхотливость, креативность богатого опыта выживания в сочетании с высокой природной рентой, централизованной властью) и преодоление нормативно-ценностных барьеров (правовой нигилизм, низкий уровень горизонтальной мобильности, отсутствие реального запроса на инновации, взаимное недоверие, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования). Решение этих проблем предполагает и внятную социально-культурную политику.

Наращивание тканей, необходимых для налаживания целостного баланса российского общества связано с развитием вектора

личностной инициативы и правовых гарантий результативности этой инициативы. Разумеется, ключевым для перспектив развития российского общества является решение вопроса о собственности и ее правовых гарантиях.

Именно обеспечение прав личности и является ключом к консолидации российского общества, к формированию социального доверия. Только в этом случае консолидированность социума находит свое воплощение в гражданской идентичности.

Примерный социально-демографический профиль современного российского общества в упомянутой ранее модели показывает, что ориентация на государственность с акцентом на безопасность, стабильность и этническую идентичность характерна преимущественно для части населения возраста от 35 лет и старше, источником дохода которой является госбюджет, проживающей в малых городах, поселках, для женщин. Ориентация на государственность с акцентом на правовые гарантии свободы самореализации, общегражданскую идентичность более характерна для лиц среднего и более молодого возраста, с самостоятельным источником дохода, проживающих в больших городах, гендерная принадлежность которых не играет существенной роли.

Тем самым выявляются и условия реализации такой инженерии: обеспечение правовых гарантий личной инициативы, внятная социально-культурная политика с акцентированной ставкой на развитие городских агломераций, на образование и молодежь. Дело за реализацией на этом векторе вменяемой властной воли. А это уже не только социальный, но и цивилизационный вызов отечественной элите, ее способности к «длинным мыслям», к открытию перед обществом новых горизонтов и путей их достижения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Болтански Л., Кьятелло Э.* Новый дух капитализма. – М.: НЛЮ, 2011.

² См.: *Тульчинский Г.Л.* О природе свободы // *Вопросы философии.* 2006. № 4. – С. 19 – 28.

³ См.: *Веселов Ю.В.* Доверие и справедливость. – М.: Аспект-Пресс, 2011; *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. – М.: Новое издательство, 2011; *Рикёр П.* Путь признания: Три очерка. – М.: РОССПЭН, 2010.

⁴ См.: *Тульчинский Г.Л.* Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре // *Человек, культура, образование.* 2011. № 2. – С. 5 – 14.

⁵ См.: *Тульчинский Г.Л.* Культура как ресурс и барьер инновационного развития // *Инновации.* 2012. № 5 (163). – С. 74 – 79.

⁶ См.: *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия.

⁷ Подробнее см. следующие работы автора статьи: *Самозванство, массовая культура и новая антропология* // *Человек.* 2008. № 1. – С. 43 – 57; *Новая антропо-*

логия: личность в перспективе постчеловечности // Семиозис и культура: философия и феноменология текста. Вып. 5. – Сыктывкар, 2009. – С. 7 – 20; Личность как автопроект и бренд: некоторые следствия // Философские науки. 2009. № 9. – С. 30 – 50; Личность как успешный автопроект // От события к бытию. – М.: ГУВШЭ, 2010. – С.49 – 63.

⁸ Эти возможности и связанные с ними проблемы подробно рассмотрены в материалах круглого стола «Личность как автопроект» (см.: Философские науки. 2009. № 9. – С. 5 – 78; № 10. – С. 5 – 71).

⁹ Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. – С. 102.

¹⁰ См.: Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. – СПб: РХГИ, 1996.

¹¹ См.: Тульчинский Г.Л. Тело свободы. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 196 – 428.

¹² Смирнов И.П. Самозванство, или Ролевая революция // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. 2001. № 13. – С. 33 – 58.

¹³ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. В 2 т. Т. 2. – London: Overseas Publ. Interchange Ltd. – С. 392 – 394. Системный и глубокий анализ проблемы см. также: Кантор В.К. Крушение кумиров, или Одоление соблазнов (Становление философского пространства в России). – М.: РОССПЭН, 2011, особенно глава 7 «Серебряный век как предвестие и стилистика русского тоталитаризма».

¹⁴ Подробнее см.: Тульчинский Г.Л. Ролевая революция и массовый энтузиазм первых советских лет // Лабиринт. 2012. № 5. (В печати).

¹⁵ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. – С. 371. Этакое пророчество о полном торжестве спецслужб в постсоветское время. Как известно, в основу операции «преемник» конца 90-х был положен результат специального социологического исследования, выявившего наиболее популярного телеперсонажа того времени. Им оказался Штирлиц – оборотень, «свой среди чужих, чужой среди своих».

¹⁶ Проявлением этого запроса является и рост националистических настроений. Ситуация осложняется этническим пониманием нации в обыденном сознании и даже политических документах, что является тяжелым наследием советского режима с его этнофедерализмом. Между тем, в России объективно созрел запрос на гражданскую нацию (см.: Тульчинский Г.Л. Массовое общество и средний класс как источник национализма // Этнические процессы в глобальном мире. – СПб.: Астерион, 2012. – С. 15 – 19).

Аннотация

В условиях современной проектно-сетевой цивилизации возрастают роль и значение консолидации социума, предполагающей формирование социального доверия и гражданской идентичности. Решение этой задачи является цивилизационным вызовом российскому обществу и его политической элите.

Ключевые слова: гражданская идентичность, идентификация, идентичность, консолидация, личность.

Summary

Today's design-network civilization involves the consolidation of society based on social trust and civic identity. The solution to this problem is a civilizational challenge to Russian society and its political elite.

Keywords: civic identity, consolidation, identification, identity, person.